

Homo historicus

Так называется вышедшая в свет во Франции биография историка, автора фундаментального труда «Места памяти» и редактора журнала «Деба» Пьера Нора. Ее автор – Франсуа Доссе: *François Dosse. Pierre Nora. Homo historicus.* – Paris, Perrin, 2011.

Ил. 1. Пьер Нора (фр. *Pierre Nora*)
род. 17.11.1931 г.

Франция привыкла считать себя интеллектуальным центром мира, местом, где культивируются универсальные ценности разума. Сегодня это представление переживает кризис, и в разных странах появляется все больше публикаций, опровергающих этот постулат. Тем не менее, определить границы, истоки и перспективы французской интеллектуальной культуры, ее место в многообразной мировой культуре мысли и словесного творчества чрезвычайно интересно. На рубеже двадцатого и двадцать первого столетий все отчетливее прослеживается связь интеллектуальной жизни с историей и даже политикой.

И здесь особое место отводится фигуре «интеллектуала» как проводника ценностей разума в повседневном общественном быту. Во Франции одной из таких фигур, несомненно, является историк [Пьер Нора](#), который вот уже полвека остается властителем умов французской интеллигенции. Он редактор журнала «Деба», признанный мэтр гуманитарных наук во Франции. Весной нынешнего года на прилавках парижских книжных магазинов появилась биография этого интереснейшего человека, написанная Франсуа Доссе.

Пожалуй, трудно отыскать столь противоречивую личность в высших сферах французской культуры. Пьер Нора – это вездесущий, но невидимый творец, полагает

Ф. Доссе. Его творчество необъятно, однако, опровергая предсказание, сделанное французским писателем и журналистом, участником Движения Сопротивления Роже Стефаном сразу после Второй мировой войны – «ты будешь писать, ты создан, чтобы писать», – он написал всего лишь одну авторскую книгу – «Французские алжирцы», изданную в 1961-м году. Он стоит у руля французской интеллектуальной жизни, но остается неизвестным широкой публике. Он олицетворяет золотой век гуманитарных наук и, вместе с тем, пережил их упадок. Однако в 80-е годы прошлого века ему удалось придать гуманитарным наукам новый импульс путем создания журнала «Деба», на страницах которого разгораются жаркие споры и высказываются полярные точки зрения. Он поистине поливалентен: как издатель Нора играл заглавную роль во всех дисциплинах – от лингвистики до экономики, от антропологии до политики. Но прежде всего он Историк. Его всегда влекла тень, которая сопутствует большой политике, тем не менее, он вышел из этой тени в 2001 году, когда был избран во Французскую академию.

На исходе двадцатого столетия в России была опубликована книга "Франция-память" – первый перевод на русский язык основных текстов "Мест памяти" [1]. В ней собраны важнейшие статьи Пьера Нора, в которых изложена теория "Мест памяти", а также статьи видных французских философов и историков, иллюстрирующие на конкретном материале новый подход к истории Франции. Изучение мест памяти (lieux de mémoire) находится на пересечении двух течений, которые придают этому изучению особый смысл. С одной стороны, это движение чисто историографическое, момент рефлектирующего возвращения истории к себе самой, с другой – это движение собственно историческое, конец определенной традиции памяти. Приведем изящное и точное определение сущности «Мест памяти», данное самим Пьером Нора: «Это «время мест», тот момент, когда огромный капитал наследия, который мы переживаем в интимности памяти, исчезает, чтобы ожить снова только под взглядом восстановленной истории. Решительное углубление работы истории, с одной стороны, и начало консолидации наследия – с другой. Внутренняя динамика критического принципа, опустошение нашего исторического, политического и ментального кадра, еще достаточно властного, чтобы мы не стали к нему безразличными, но уже достаточно неопределенного, чтобы заявлять о себе лишь благодаря возвращению к наиболее ярким его символам. Оба течения сливаются воедино, чтобы сразу же вернуть нас к базовым инструментам исторической работы и к наиболее символическим объектам нашей памяти: архивам и французскому флагу триколору, библиотекам и музеям, Эйфелевой башне, Пантеону и Триумфальной арке, словарю «Ларусса» и стене Коммунаров» [1, с. 25].

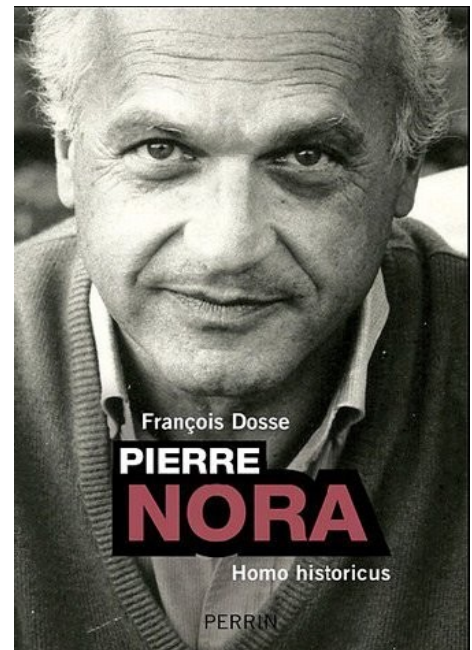
Ил. 2. Франсуа Доссе (фр. François Dosse)
(род. 1950)

В предисловии к своей книге [2, с. 90] [Франсуа Доссе](#) замечает, что написать биографию этого человека – дело крайне сложное и даже бесперспективное. Сначала автору пришлось нарушить обет молчания, за которым спрятался «властитель дум» французской интеллигенции, и рассказать о том, что он сам не торопился обнародовать. Затем нужно было объять, как в прямом, так и в переносном смысле, пятьдесят лет

его интеллектуальной деятельности. Все это с трудом удалось вместить в 660 страниц книги. Наконец, надо было избежать превращения биографии в панегирик.

Одна из книг Франсуа Доссе, которая имела огромный успех, называется «Биографический Париж». Теперь читатели ждут от Доссе чего-нибудь не менее захватывающего, чуть ли не авантюрного романа. Тем не менее, вышедшая в свет в феврале 2011 года биография стала бестселлером.

Безусловно, в «большом театре идей» современной Франции Пьер Нора играет заглавную роль. Умный, красивый, обладающий несомненной харизмой Нора (в молодости его часто сравнивали с голливудской звездой Полом Ньюменом) быстро завоевал умы и сердца французской интеллигенции. Одно время Нора успешно вел популярную телепередачу «Апостроф», тогда философ, писатель и журналист Морис Клавель был поражен красотой этого «буржуа левого толка». «Его облик, – писал Клавель, – вызывал ассоциации с афиняном благородного происхождения, амбициозного по природе, это некто средний между Платоном и Алкибиадом, предвестник Сократа» [2, с. 92]. Что касается происхождения «властителя умов», то оно действительно было благородным. Отцом Нора был известный хирург, старший брат Симон, скончавшийся в

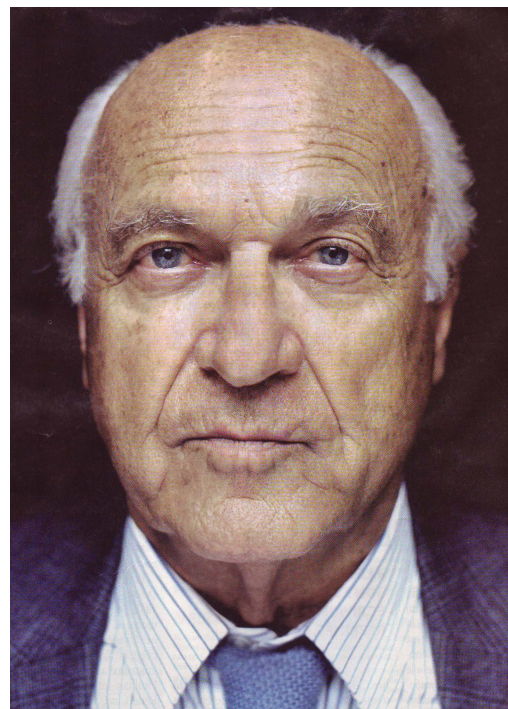

2006 году, – участник Веркорского Движения Сопротивления, известный «маки», после Второй мировой войны занимал высокие государственные посты, что развило у младшего брата некоторый комплекс неполноценности. К тому же Нора трижды провалился на вступительных экзаменах в знаменитую Высшую школу («Эколь Нормаль Сьюперьёр»). Горечь от досадного поражения не смогло смягчить даже поступление в Сорбонну в 1958 году. Вплоть до своего утверждения на интеллектуальном Олимпе Пьер Нора всегда искал признания, в котором ему отказала знаменитая школа на улице Ульм. Что касается карьеры братьев Нора, то она достигла апогея в 1971 году, когда Симон стал главой издательского дома «Ашетт», а Пьер возглавил «Галлимар». Результатом стало превращение этих двух издательств-соперников в «сообщников». С тех пор семейство Нора прочно пустило корни в издательском бизнесе: Оливье, сын Симона, возглавляет сейчас концерны «Ашетт», «Грассе» и «Файар» под заботливым покровительством дядюшки Пьера.

Возвращаясь к родословной Пьера, не забудем о его еврейском происхождении. В 1944 году он чудом вырвался из лап гестапо и выжил только потому, что директор коллежа его спрятал. Предки Нора – это древняя ветвь евреев-ашкенази по фамилии Арон, которые в девятнадцатом веке превратились в Нора. Автор биографии Франсуа Доссе полагает, что благодаря работе над «Местами памяти» Пьер Нора нашел ответ на извечный вопрос о месте интеллигента-еврея в многоликом массиве французской нации.

А вот один из секретов биографии Нора, который раскрывает Ф. Доссе на страницах своей книги. 1942 год. Одиннадцатилетний Пьер, отвечая урок, удостоился похвалы маршала Петена: «Очень хорошо, мой мальчик, продолжай!». Другая деталь: в 1967 г. во время шестидневной войны П. Нора явился в посольство Израиля с просьбой зачислить его в израильскую армию [1, с. 92].

«Послужной список» Пьера Нора – украшение его биографии. Это места сосредоточения парижской аристократии и интеллигенции. Это Школа высших исследований, Коллеж де Франс, Сьянс-По (университет политических наук в Страсбурге), редакция «Галлимар», еженедельник «Нувель Обсерватёр».

Самые увлекательные места книги Ф. Доссе – те, что повествуют о рождении «эпистолярных детей» Пьера Нора, его научных изысканий, публикации которых всегда сопутствовала полемика, этот непреходящий атрибут новаторских идей. Как показывает опыт, в ходе полемики эти идеи оттачиваются, очищаются от словесной шелухи, из них выкристаллизовывается суть. Исторический журнал «Деба» – любимое детище Пьера Нора. Он увидел своеобразный символ в том, что выход в свет первого номера «Деба» 15 апреля 1980 года совпал с днем смерти великого экзистенциалиста Ж.-П. Сартра. Не случайно слово «Деба» означает «битва, баталия». Этот журнал – школа красноречия, трезвых оценок и блестящей логики бросает вызов размытым контурам экзистенциалистских постулатов. Девизом «Деба», который призывал французских интеллигентов к демократичности, стали слова «Интеллектуалы говорят с интеллектуалами», т.е. авторы публикаций напрямую обращались к интеллектуальной элите общества. Первыми жертвами острого пера П. Нора стали амбициозные мыслители, не признающие никаких авторитетов: Бурдьо, Фуко, Деррида, Делёз стали объектами его критики. В то же время появляется новое поколение ученых, которых П. Нора стремится поддержать и направить. Это, в частности, Адэн Финкьелкро, Поль Йонне, Жиль Липовецкий.

Пьер Нора – не только известнейший французский историк, но и «патрон», «отец» издательского дела Франции. Еще на заре издательской и научной карьеры Пьера Нора издатель «Библиотеки гуманитарных наук» Жорж Дюмезиль сказал о нем: «Он меня создал. Я – творение Пьера Нора». Благодаря таланту Ф. Доссе читатель становится очевидцем создания новаторского по форме издания «Архивы», мучительного появления на свет фундаментальной трилогии «Делать историю». Описываются перипетии публикации «Проблем общей лингвистики» – этот сборник стал воплощением идеи Нора о собрании воедино исследований, появившихся в нескольких научных журналах (было продано около 200 000 экземпляров этой книги); рассказывается о судьбе мгновенно раскупленной книги Мишеля Фуко «Слова и вещи» (1966), которая имела эффект разорвавшейся бомбы. А в 1975 г. появился еще один бестселлер – труд Лероя Ладюри «Монтажу, провансальская деревня», изданный тиражом 300 000 экземпляров. Но самым грандиозным творением Нора было и остается издание огромного семитомного труда «Места памяти». Этот колоссальный по масштабам проект родился во время семинара по современной истории, организованного Нора в Школе высших исследований, и ознаменовал начало эпопеи по изданию «под одной крышей» сотен научных статей. Эпопея длилась десять лет и завершилась появлением семи солидных томов (один том – «Республика», три тома – «Нация» и еще три – «Франция»). Слово «пьер» по-французски

означает камень. Так вот, на этом «камне» он построил себе памятник: «Места памяти» обессмертили его имя. Творение Пьера Нора скоро стало нарицательным, своего рода символом Франции, как словарь «Пти Ларусс». Вот как сам автор поясняет название семитомника: «Места памяти – это реальное или символическое место, в котором воплощается коллективная память сообщества» [1, с. 37].

Подчеркивая значимость вклада П. Нора во французскую культуру, Франсуа Доссе говорит об «эпохе Нора», как раньше говорили об «эпохе Мишле» и «эпохе Лависса» – всемирно известных французских историков. Помимо несомненной научной ценности книги Нора отличаются прекрасным литературным языком и даже наличием интриги. Под интригой имеются в виду политические заговоры, гражданские войны, победы, поражения, преследования, свадьбы, любовные истории, которые вдохновили Нора на создание его «бумажных детей» – эпистолярных шедевров в сфере истории и политики. Среди сторонников П. Нора можно назвать Мишеля Фуко, которого называют «современным Ницше», известного скандальной книгой «История сексуальности» (того самого Фуко, который стал богом приверженцев однополый любви, и сам в 1984 году скончался от СПИДа), известнейшие историки Жак Озеф и Франсуа Фюре, молодой актер Жан Даниэль, историк и биограф Жан Лакутюр. Среди его оппонентов – священный «монстр коммунистов» Луи Арагон, который потребовал исключить из издательства «Галлимар» Нора за книгу «Признание», известнейший французский социолог Пьер Бурдьё, а также такая одиозная фигура, как Анна Кригель, которая начала политическую карьеру как ярая коммунистка, а после вторжения СССР в Венгрию в 1956 г. стала столь же яркой антикоммунисткой. Анна обвиняла Пьера Нора в «ветрености» в противоположность собственной «убежденности».

Нора, в свою очередь, критиковал «Монд» – издание, которое считалось столпом французской политической мысли, истиной в последней инстанции. Как видим, гражданская позиция Пьера Нора достойна уважения. Этот издатель, обладающий тончайшим профессиональным чутьем, всегда был непримирим к пошлости. Каждая публикация его издательств проходила строжайшую цензуру Нора-редактора. Именно он отказал в публикации издательством «Галлимар» скандальной книги Эрика Хобсбаума «Возраст крайностей». Оправдывая название любимого «Деба», Пьер воевал даже с Морисом Дрюоном, «проклятым королем», готовым на все, чтобы преградить вход во французскую академию Пьеру Нору, этому любимцу французской интеллигенции, летописцу Новой истории Франции. Самое убедительное доказательство жизнениости идей Пьера Нора – неухающая полемика вокруг его книг, журнальных публикаций и

публичных выступлений. Но самые увлекательные моменты биографии историка – это процесс появления на свет его «литературных детей». С его легкой руки издательство «Галлимар» опубликовало новаторскую по своей сути подборку «Архивы», издало историографическую трилогию «Делать историю» и опубликовало «Проблемы общей лингвистики» Эмиля Бенвенисте.

Характерно, что, будучи создателем семитомного фундаментального труда «Места памяти» (“**Realms from Memory**”), он не захотел пройти по своим «Местам памяти», у него никогда не было желания возвращаться и «посещать» памятные события собственной жизни, он всегда ревниво хранил собственные воспоминания в глубине души. И это – еще один парадокс загадочной личности, в которой уживаются гордость и стыдливость, жизнерадостность и меланхолия.

Вот как описывает Пьер Нора феномен, который он определяет как «конец истории-памяти»: «Ускорение истории. Нужно суметь в полной мере ощутить масштаб того, что стоит за этими словами помимо метафоры (все убыстряющееся соскальзывание в абсолютно мертвое прошлое, неизбежность восприятия любой данности как исчезнувшей) — нарушение равновесия. Вырвано с корнем все то, что еще сохранялось из пережитого в тепле традиций, в мутациях обычаев, в повторениях пришедшего от предков, под влиянием глубинного исторического чувства. Доступ к осознанию себя под знаком того, что завершилось навсегда, окончание чего-то изначального. О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет... Многочисленные места памяти (*lieux de mémoire*) существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [1, с. 17].

Естественно, «Места памяти» – это не только экскурс в историю идей второй половины двадцатого века – от старого структурализма до триумфального возвращения философии. Это еще и погружение в глубины современной истории человечества – от фашистской оккупации до войны в Алжире, от голлизма до миттеранизма, от сталинизма

до маоизма, от мая 1969 года до мая 1981-го. Спектр использованных при написании труда источников необъятен, он простирается от «Национальных архивов» до «Большой библиотеки».

В ноябре 2011 года Пьер Нора отметит свой восьмидесятый день рождения, сумев при этом остаться в тени, не выпячивая, а напротив, скрывая свои заслуги перед французской культурой. Для него гораздо более важное событие – предстоящее столетие «Галлимара». Вклад Пьера Нора в процветание этого издательского гиганта трудно переоценить. Именно ему «Галлимар» обязан изданием «Библиотеки гуманитарных наук», «Библиотеки истории», коллекции «Памятники».

...Пьер Нора сказал как-то в минуту раздумья: «Лучшие издатели иногда возвращают писателей из небытия и заново открывают их» [2, с. 92]. Можно лишь добавить, что это счастливые писатели. Те, кого Пьер Нора смог сделать востребованными в капризном и изменчивом мире французского интеллектуального Олимпа.

В заключение приведем одну из философских и, как всегда у Пьера Нора, емких и заставляющих думать, формулировок из «Мест памяти»: «С тех пор, как общество заняло место нации, легитимизация через прошлое и, следовательно, через историю уступила место легитимизации через будущее. Прошлое можно лишь знать и почитать, нации можно служить, будущее нужно готовить. Три термина обрели свою самостоятельность. *Нация* – это больше не борьба, а данность, *история* превратилась в одну из социальных наук, а *память* – это феномен исключительно индивидуальный. *Нация-память* оказалась последним воплощением истории-памяти» [1, с. 24]. Это определение характеризует не только французские реалии, оно интернационально и применимо к памяти человечества, без которой невозможен прогресс современного общества.

Список литературы:

1. *Франция-память.* – П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
2. *Le Nouvel Observateur*, №2415 du 17 au 23 février 2011.
3. *François Dosse. Pierre Nora. Homo historicus.* – Paris, Perrin, 2011.

Сведения об использованных иллюстрациях:

Ил. 1. Пьер Нора (фр. Pierre Nora). Режим доступа: URL: <http://www.revue-medias.com/La-tyrannie-de-la-memoire,384.html> (дата обращения: 12.04.2011).

Ил. 2. Франсуа Доссе (фр. François Dosse). Режим доступа: URL: <http://www.el-libro.org.ar/internacional/general/personalidades-internacionales.html> (дата обращения: 12.04.2011).

Обложка книги “Pierre Nora. Homo historicus”. Режим доступа: URL: <http://dossefrancois.free.fr/> (дата обращения: 12.04.2011).

Пьер Нора. Режим доступа: URL: http://www.junglekey.fr/wiki/definition.php?terme=Pierre_Nora (дата обращения: 12.04.2011).

Источник: *Культура в современном мире. — 2011. — № 2. — [Электронный ресурс].* — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>